

и закономерностях функционирования ее элементов во взаимодействии с их окружением. Значимость рецензируемого словаря для научных исследований, для теории и практики преподавания русского языка трудно переоценить. Сами масштабы этой работы, выполненной одним человеком, концентрация огромного труда в законченном и целостном произведении, обращенном к широкому кругу читателей, — явление примечательное, заслуживающее внимания и признания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сазонова И. К. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения слова // ВЯ. 1971. № 6.
2. Сазонова И. К. Причастия в системе частей речи и лексико-семантическая деривация // ВЯ. 1975. № 6.
3. Сазонова И. К. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения (на материале страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
4. Долинина И. Б. Синтаксически значимые категории английского глагола. Л., 1989.
5. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке //

Семантические типы предикатов. М., 1982.

6. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С. 139—142.
7. Падучева Е. В. К семантической классификации временных детерминантов предложения // Язык: Система и функционирование. М., 1988.
8. Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 666.
9. Князев Ю. П. Конструкции с русскими причастиями на -и, -т в семантической классификации предикатов // ВЯ. 1989. № 6.
10. Лопатин В. В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // ВЯ. 1966. № 5. С. 39.
11. Осерджук Л. П. О разграничении страдательных причастий прошедшего времени и омонимичных отглагольных прилагательных // РЯШ. 1977. № 2. С. 84—85.
12. Князев Ю. П. Акциональность и статальность: Их соотношение в русских конструкциях с причастиями на -и, -т. München, 1989.
13. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ. 1986. № 2.

Бондарко А. В., Князев Ю. П.

Shibatani M. The languages of Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 399 p.

Рецензируемая книга опубликована в серии грамматических очерков языков мира, рассчитанных не на специалистов по соответствующему языку, а на лингвистов широкого профиля, прежде всего типологов. Ее автор Сибатани Масаёси, профессор университета Кобе, является одним из наиболее известных и активно работающих японских лингвистов. Известность этого ученого за пределами Японии основана главным образом на его ранних генеративистских трудах, появившихся в годы работы в США. Однако после возвращения в Японию в 1979 г. М. Сибатани во многом пересмотрел свои взгляды. Как он указывал в интервью, опубликованном в 1983 г. [1], он отошел от модели Н. Хомского и обратился к описательной лингвистике и типологии, учитывая в своих исследованиях наследие японской лингвистической традиции. Реализацией нового подхода М. Сибатани и является данная грамматика.

В настоящей книге опубликованы грамматики двух языков Японии: айнского и японского. Два описания весьма неравны по объему: айнская грамматика занимает менее четверти книги (с. 3—86), основное место (с. 89—392) автор уделяет японскому языку, что, конечно, связано с его лучшей изученностью. Как указано в предисловии, М. Сибатани не ставит перед собой цели систематического сопоставления двух языков, хотя в ряде случаев их сходства и различия отмечаются. Автор исходил прежде всего из двух задач: познакомиться с материалом айнского и японского языков лингвистов, не знакомых с этими языками, и дать новую трактовку, часто типологического характера, ряду явлений этих языков. В отношении айнского языка преобладает ознакомительный подход, в отношении японского — объяснительный.

Айнская грамматика М. Сибатани в основном представляет собой изложение ре-

зультатов, полученных в 20—80-е годы XX в. виднейшими японскими айноведами Киндзати Кёсукэ, Тири Масихо, Хаттори Сиро, Тамура Судзую, Мурасаки Кёко. Автор не имел возможности, в отличие от своих предшественников, вести полные исследования этого языка, поскольку он практически уже прекратил существование, однако специальное внимание уделено анализу языка фольклорных текстов, еще до войны изданным Киндзати Кёсукэ; именно эта наддиалектная разновидность языка берется за точку отсчета, а диалекты, бывшие главным объектом исследований японских ученых после войны, рассматриваются прежде всего тогда, когда их материал показывает отличия от языка фольклора. Безусловно, грамматика М. Сибатани полезна тем, что знакомит европейских и американских читателей как с айским языковым материалом, так и с результатами его описания, поскольку почти все основные исследования этого языка опубликованы лишь по-японски. Из работ, выполненных за пределами Японии, учтены лишь немногие, в частности, Дж. Бечелора, Дж. Патри. Совсем не упоминаются русские публикации, в частности, словарь М. М. Доброворского [2], бывший первым и до недавнего времени самым обильным источником сведений о лексике сахалинских диалектов.

В очерке М. Сибатани кратко изложены социолингвистические сведения об айском языке, современное состояние изучения его родственных связей, перечень источников, звуковая структура (специально рассмотрена идея Тири Масихо о наличии в айском языке сингармонизма, которую М. Сибатани убедительно опровергает). Большая часть очерка посвящена грамматической структуре. М. Сибатани описывает морфологию и синтаксис айского языка, обращая особое внимание на типологические особенности, среди которых, в частности, отмечаются развитый полисинтетизм (особенно значительный в фольклорной разновидности языка), отсутствие категории времени, компенсируемое богатой видовой системой, различие спряжения переходных и непереходных глаголов при отсутствии различий между переходными глаголами и прилагательными. Все это уже описывалось в японских исследованиях, прежде всего в работах Тамура Судзую и Мурасаки Кёко. М. Сибатани в большинстве случаев принимает их трактовки, добавляя к ним иногда типологические параллели, прежде всего с японским и европейскими языками. Лишь по некоторым вопросам автор очерка высказывается более подробно, давая собственную интерпретацию айских фактов и обсуждая общетеоретические проб-

лемы. Прежде всего это касается разделов, посвященных пассиву (с. 57—61) и семантике инкорпораций (с. 61—73).

Вопрос об айском пассиве вызывает споры у японских айнотологов. М. Сибатани считает, что его следует решать, исходя из прототипического пассива; по его мнению, главная черта пассива — дефокусизация агенса (крайний случай дефокусизации — его отсутствие), что имеет место в конструкциях, относимых частью лингвистов к пассиву. Однако статус пациенса не вполне ясен: нормальный порядок слов и употребление гонорифических показателей указывает на него как на подлежащее, однако употребление личных показателей глагола этому противоречит. По мнению автора грамматики, в айском языке, как и в некоторых других (индонезийском, микронезийских), наблюдается переходный этап превращения безличных конструкций в пассивные, когда морфология глагола еще старая, но синтаксис уже изменился. В отношении соответствия между моделями инкорпорации и семантическими ролями инкорпорируемых компонентов М. Сибатани отмечает как универсальные свойства, разделяемые айским языком (агентивный субъект переходных и непереходных глаголов не может инкорпорироваться), так и его особенность (член предложения с локативным или инструментальным значением может инкорпорироваться лишь после превращения его в прямое дополнение).

Очерк японского языка М. Сибатани по структуре во многом сходен с очерком японского языка американского лингвиста Р. Э. Миллера [3], преследовавшего сходные цели; М. Сибатани, однако, не выделяет в особые главы историю письма и формы вежливости, зато посвящает одну из центральных глав словообразованию, почти не рассмотренному Р. Э. Миллером. Конкретные же трактовки многих явлений, особенно грамматических и словообразовательных, в данной грамматике значительно отличаются от очерка Р. Э. Миллера.

Первые главы очерка, посвященные родственным связям японского языка, его истории, лексике, преимущественно заимствованной фонологии и диалектам, напоминают очерк айского языка. Основная цель автора — дать критический обзор современного состояния исследований, в особенности японских, по той или иной проблематике и познакомить с японским материалом читателя-неяпониста. В целом эти главы очень информативны, а авторский комментарий почти всегда убедителен. Особенно хотелось бы выделить разделы, посвященные родственным связям и фонологии (последний раздел включает и морфологию, и акцент

туацию). При отсутствии специальной главы, посвященной социолингвистике, автор во многих случаях, даже в разделе фонологии, рассматривает социолингвистические исследования, занимающие очень значительное место в современном японском языкознании.

Представляя обширный материал японских лингвистических работ, М. Сибатани, к сожалению, сводит, за редкими исключениями, всю мировую японистику к науке двух стран: Японии и США. Европейская японистика XX в. представлена весьма слабо. Например, из русских и советских ученых упоминается лишь Е. Д. Поливанов, и то лишь в связи с его воззрениями на родственные связи японского языка; о других же его исследованиях не сказано даже тогда, когда в книге обсуждаются концепции, которые Е. Д. Поливанов первым ввел в науку, например, разграничение слога и моры для японского языка (с. 158—159 книги) или названную на с. 210 общепринятую точку зрения на степень архаичности диалектных акцентных систем.

Можно поспорить и с некоторыми положениями М. Сибатани. Вряд ли следует ставить знак равенства между классическим японским языком (бунго) и языком эпохи Хэйан (IX—XII вв.), как это сделано на с. 120: при всем консерватизме нормы бунго этот язык все-таки менялся со временем. Помимо добавления новой лексики происходила и редукция грамматической системы, о которой писал в связи с канцелярским бунго XX в. А. А. Холодович [4]. Прямолинейным нам представляется и утверждение на с. 186, что во второй половине XIX в. в Японии так и не был создан стандартный язык, а его место занял диалект Токио. Как показывают японские языковеды (Мориока Кэндзи, Танака Акио), уже то языковое образование, которое легло в основу стандартного языка, имело наддиалектный характер: на нем говорили не только «образованные токийцы среднего класса», о которых пишет М. Сибатани, но и приезжавшие в Эдо (Токио) жители других районов при междиалектном общении. В период же распространения этого наддиалектного образования по всей Японии и его стандартизации оно пополнялось не только за счет диалектных заимствований, о которых упоминает М. Сибатани, но и за счет заимствований из бунго, а также за счет создания большого количества новых слов (об этом создании говорится в другом месте книги). Тем самым современный стандартный язык не сводится к токийскому диалекту.

Принципиально иной характер по сравнению с остальной частью книги имеют две ее последние главы: «Словообразова-

ние» и «Грамматическая структура». Здесь автор не стремится ни рассмотреть существующие концепции, ни дать сколько-нибудь полное описание японской грамматической системы. Он сосредоточен лишь на нескольких избранных темах, представляющих для него теоретический интерес. Некоторые из них разрабатывались им еще в американский период деятельности, например, проблемы пассива и каузатива. Другие вопросы не рассматриваются совсем, и о точке зрения М. Сибатани можно судить лишь косвенно, на основании переводов примером или транскрипции. Обойдена, например, проблема границ слова; не рассмотрены некоторые грамматические формы, например, формы так называемого длительного вида на *-та иру* (обычно *иру* считается вспомогательным глаголом, но в примерах оно пишется то слитно с предшествующим словом, то через дефис, причины этого остаются читателю неизвестными).

Автора грамматики главным образом занимают две проблемы: обоснование с позиций современной лингвистики идей и методов традиционной японской науки о языке и теоретическая интерпретация некоторых важнейших явлений японской грамматики, прежде всего каузативных, пассивных конструкций и именных последовательностей с частицей *eo*.

М. Сибатани неоднократно подчеркивает, что Япония обладает развитой лингвистической традицией, сформировавшейся в области грамматики в XVIII — нач. XIX вв., т. е. еще до знакомства с европейской наукой. В противоположность большинству американских японистов и тех японских лингвистов, которые сформировались в рамках генеративизма, М. Сибатани стремится не игнорировать эту традицию, а использовать ее идеи и методы, насколько это возможно.

Наиболее подробно эта проблема исследуется в связи с вопросом о японском глагольном спряжении, разбираемом в главе о словообразовании (с. 224—235). Здесь японская традиция разработала детальную концепцию спряжения, дожившую до наших дней несмотря на ее значительное расхождение с принятыми в лингвистике XX в. принципами морфемного анализа. Обычно японскую схему спряжения или принимают, не пытаясь интерпретировать, или вообще не принимают в расчет. М. Сибатани пытается включить ее в современное лингвистическое описание, поддерживая традиционное японское отношение к вспомогательным глаголам многих аффиксов в обычном европейском понимании и давая семантическую интерпретацию каждому элементу, выделяемому при членении текста в японской традиции (такая интерпре-

тация не свойственна большинству японистов, ср., впрочем [5]). Такой подход заслуживает внимания, хотя традиционную японскую схему спряжения, на наш взгляд, вряд ли можно трактовать в терминах морфемике: скорее здесь имелось в виду изменение основы, т. е. чередование (ср. очень похожий подход в схемах спряжения и склонения в античной грамматике).

Подробно в книге также рассматривается исчезающее в современном языке явление согласования формы глагола с некоторыми частицами (*какари-мусуби*), бывшее одной из любимых тем исследований в японской науке XVIII—XIX вв., но не привлекавшее внимания структуралистов и генеративистов. В основном принимает М. Сибатани и общепринятую в Японии систему частей речи, несколько отличную от стандартной европейской. Особо отмечена специфическая японская часть речи — «адекативный глагол» (*кэйбоси*); по мнению автора грамматики, этот разряд не относится ни к глаголам, ни к прилагательным, их следует считать адекативными именами (с. 215). В то же время другой традиционно выделяемый класс (*кэйбеси*) М. Сибатани вслед за большинством японистов считает аналогом европейских прилагательных, что вызывает сомнения: эти слова ничем, кроме специфического типа спряжения, не отличаются от стативных глаголов.

Большую часть последней главы книги занимают вопросы о значениях именных последовательностей с частицей *ва* и связанный с ним вопрос о подлежащем в японском языке (с. 262—307). Этой очень распространенной в японском языке частице посвящена обширная литература, однако общепринятой трактовки ее значения и употребления не существует. М. Сибатани считает, что главная причина неудач многих лингвистов заключается в том, что они чаще всего пытались выявить собственные значения частицы *ва*, тогда как надо искать не их, а значения типов предложений (с. 262). Разбирая различные точки зрения, особенно в генеративистской литературе, на сущность этой частицы, вытесняющей из предложения показатель подлежащего или прямого дополнения, М. Сибатани также считает наиболее правильной трактовку, восходящую к японским грамматистам XVIII в. и более строго сформулированную ученым начала XX в. Мацусита Дайсабуро. Согласно этой трактовке, при наличии *ва* разграничиваются некоторый предмет (топик) высказывания и суждение о нем, при отсутствии же *ва* некоторое событие описывается нерасчлененно. Уточняя эту формулировку, М. Сибатани указывает, что все отдельные значения *ва*, выделяемые лингвистами (тематическое, контра-

тивное, эмфатическое), не является значениями самой частицы и приобретаются лишь в контексте. По мнению М. Сибатани, правомерен и другой подход к данной проблеме, также встречающийся в японской традиции: предложения с *ва* выражают эмпирическое (*experiential*) суждение, а предложения без него — суждение, основанное на восприятии (*perceptive*).

Проблема подлежащего в японском языке решается в книге более традиционно с точки зрения генеративной лингвистики: как и во многих других работах, главными критериями, позволяющими выделять подлежащее, считаются кореферентность с возвратным местоимением *дзibun* и гонорификация. Вполне справедливо указывается, что в японском языке нет такого жесткого противопоставления подлежащего и дополнений, как в английском языке, и здесь неправомерно разделение предложения на группу подлежащего и группу сказуемого, однако существует четкая иерархия синтаксических актантов и поэтому для японского языка важно выделение подлежащего; в отличие от английского языка здесь четко разграничены подлежащее и топик. В типологическом плане М. Сибатани также вполне справедливо относит японский язык к языкам, промежуточным между чисто подлежащими и чисто топиковыми языками.

Также в русле уже ставших традиционными для американских и японских генеративистов методов и подходов обсуждаются проблемы каузатива (с. 307—317) и пассива (с. 317—333) в японском языке; М. Сибатани в основном повторяет, иногда с новой аргументацией, идеи своих более ранних работ (исследования, выполненные в рамках иных направлений, в том числе работы А. А. Холодовича и его школы, не упоминаются). В отношении каузатива основное внимание уделяется соотношению синтаксического (регулярного) и лексического (нерегулярного) каузатива; в отношении пассива — соотношению прямого (образуемого только от переходных глаголов и семантически сходного с пассивом европейских языков) и адверсативного (образуемого почти от любого глагола и обозначающего физическую или психическую, обычно нежелательную вовлеченность лица, обозначенного подлежащим, в ситуацию) пассива. М. Сибатани продолжает отстаивать точку зрения об их глубинном различии.

Интересен последний раздел грамматического очерка, посвященный прагматике японской грамматики (с. 357—388). Здесь М. Сибатани описывает явления, обычно рассматриваемые отдельно друг от друга, но имеющие несомненное функциональное сходство: различия устного и письменного вариантов языка (специаль-

но рассматривается эллипсис в устном варианте), различия мужской и женской речи, формы вежливости, дейктические выражения (в том числе вспомогательные глаголы направленности действия), связанные с дейксисом обозначения способов получения информации (достоверное знание, знание на основе внешнего наблюдения, чужих слов и т. д.). Как указывает М. Сибатани, во всех этих случаях решающую роль в выборе тех или иных форм играет позиция говорящего, отражаемая в японском языке богаче, чем в английском.

Введение и заключение к японской части книги посвящено несколько неожиданному для читателя-лингвиста вопросу: автор желает разоблачить мифы, которыми окружен японский язык; к их числу он относит мифы об уникальности японского языка, его особой трудности и нелогичности. Все эти утверждения разбиваются М. Сибатани без труда, однако странным может показаться само намерение автора. Ясно, что здесь речь идет не о науке, а о стереотипах японского массового сознания, с которыми приходится сталкиваться и в наши дни и которые иногда проникают даже в японскую лингвистическую литературу; корни этих стереотипов М. Сибатани справедливо видит в многовековой изоляции Японии, психологически не преодоленной и сейчас; дополнительный фактор — обособленность японского языка, не имеющего близких «родст-

венников». В разоблачении мифов о японском языке данная книга сходится с книгой уже упоминавшегося Р. Э. Миллера [6], хотя М. Сибатани в отличие от Р. Э. Миллера избегает критики японского языкознания.

Безусловно, новая книга М. Сибатани содержит немало интересных трактовок некоторых важных явлений японской грамматики. Однако главная ее ценность, на наш взгляд, в другом: она знакомит лингвиста, не владеющего японским языком, с разнообразными и в большинстве случаев хорошо систематизированными фактами айнского и японского языков, а также с позитивными результатами исследований японских ученых, из-за языкового барьера не известными за пределами Японии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гэнго («Язык»). 1983. № 8. С. 80—82.
2. Добровольский М. М. Айско-русский словарь. Казань, 1875.
3. Miller R. A. The Japanese language. Chicago; London, 1967.
4. Холодович А. А. Синтаксис японского военного языка. М., 1937, С. 4—5.
5. Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык. М., 1972. С. 121.
6. Miller R. A. Japan's modern myth. The language and beyond. New York; Tokyo, 1982.

Алпатов В. М.

Откупщиков Ю. В. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л.; Изд-во ЛГУ, 1988, 263 с.

Рецензируемая работа относится к тем пока еще немногим компаративистским исследованиям, в которых дивергентное и конвергентное развитие родственных языков рассматривается в гармоничном единстве. Такой подход следует признать реалистическим для любой группы генетически соотносимых языков, поскольку ни один из них не развивался в условиях лингвистического вакуума, а на границах языков, которые находились в контактных отношениях с соседями, возникали достаточно широкие билингвистические и полилингвистические зоны. Если к этому прибавить характерные для доисторических времен миграции и связанное с этим явление субстратно-суперстратное взаимодействие, необходимость постоянного учета соотносительности дивергентной и конвергентной эволюции становится очевидной. Равновероятность этих двух типов лингвистической эволюции, одна-

ко, не предполагает их эвристического равноправия.

Уже достаточно давно древнегреческий рассматривался, по крайней мере частично, как результат конвергенции палеобалканских языков и «догреческого». Более того, методика изучения конвергентных связей проверялась и совершенствовалась именно на этом материале. Примером экстраполяции данного подхода к праславянскому и прабалтийскому является появившаяся недавно монография Г. Хольцера [1], продемонстрировавшая ряд этимологических находок. Работа Хольцера и некоторые другие современные исследования указывают на огромные потенциальные возможности современных методик изучения конвергентного развития языков.

Сразу же следует сказать, что, хотя Ю. В. Откупщиков исследует достаточно традиционный материал, его подход